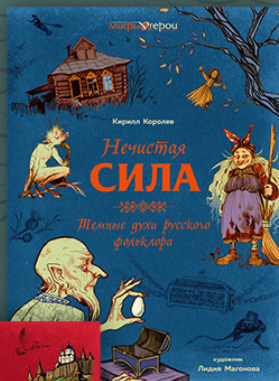

КИРИЛЛ КОРОЛЕВ РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

КОМПЛЕКТ ИЗ 3-Х КНИГ

Кирилл Михайлович Королев

Русский фольклор:

комплект из 3 книг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74358611

ISBN 978-5-389-34023-7

Аннотация

Кирилл Королев – социальный антрополог, писатель, исследователь исторической памяти, переводчик, трижды лауреат литературной премии «Странник» в номинациях «Перевод» и «Литературоведение». В этом комплекте собраны три его книги, посвященные русскому фольклору.

1. От Лукоморья до Буяна. Атлас русской фольклорной географии: «Пойди туда, не знаю куда» – совершенно конкретный адрес, как и Кудыкина гора, не говоря уж о Тридевятом царстве. И если вы не знаете где это, то у вас, наконец, появился шанс узнать! Остров Буян, Беловодье, Земля Санникова, Земля бородатых и Китеж-град – не выдумки, а если и выдумки, то для чего-то же они были придуманы нашими предками?

2. Нечистая сила. Темные духи русского фольклора: Кто не знает Кощея или Лихо Одноглазое?! А вот никто их и не знает. Даже о Бабе Яге мы мало что можем рассказать. А ведь и она, и сестры-лихорадки, и бесы с вурдалаками живут с нами от первых детских сказок, сочиненных еще прапрабабушками, до вполне

серьезной современной литературы. И вот настоящая, самая полная, серьезная и аргументированная биография каждого из представителей Нечистой силы русского фольклора. Прочитаете – и поймете, не только откуда они пришли, но и как с ними общаться.

3. Богатыри земли Русской: Знаете ли вы кто такие богатыри? Уверяем, что нет! Конечно, Илью Муромца или Алешу Поповича вы помните. А остальных восемьдесят? Или хотя бы Пушкинских тридцать три? Да, богатырей было так много, и каждый со своим именем, привычками и традициями, со своей судьбой. И у каждого была своя задача и в легендах и в истории. Богатыри это не что-то давно забытое и уже не нужное нам, это наша история и литература.

Содержание

От Лукоморья до Буяна. Атлас русской фольклорной географии	6
Предисловие	8
Путешествие первое	13
Коротко о драконах	22
Фольклорная Русь	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Кирилл Михайлович Королев Русский фольклор: комплект из 3 книг

Художник Екатерина Демакова,

Художник Лидия Магонова

© Королев К. М., текст, 2024, 2026

© Магонова Лидия, иллюстрации, 2024, 2025

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2025, 2026

КоЛибри®

* * *

От Лукоморья до Буяна. Атлас русской фольклорной географии

*Посвящаю эту книгу своей дочери Екатерине, чье
детство вернуло мне сказки.*

Автор

Предисловие

В популярном современном мультфильме «Иван Царевич и Серый Волк» герои ломают головы над непростым вопросом. Их отправляют «туда-не-знаю-куда», и они хотят понять, а где, собственно, находится это «неведомо куда». Ведь сказочные дороги выются очень прихотливо – если, цитируя, «идешь туда, то направо», а если «оттуда, то налево», и самое важное – не перепутать, где туда, а где оттуда.

Конечно, можно сказать, что персонажи мультфильма прописаны сегодняшними сценаристами, а их реплики и размышления слабо связаны с традиционной культурой, которая бытовала на Руси вплоть до начала XX столетия. Но отдадим сценаристам должное – они сумели уловить главную, пожалуй, особенность русской фольклорной географии, в которой невозможно, за редчайшими исключениями, установить, где конкретно находится то или иное место, упоминаемое в сказках, былинах или загадках.

Где, к примеру, расположен остров Буян, основная географическая примета русских заговоров? Где-то «там». Где находится Тридесятое царство, главная, если не единственная страна русских сказок? Тоже где-то «там». Где возвышается Кудыкина гора из поговорок? Где, наконец, стояли былинные Киев, Чернигов и Ростов, где протекала легендарная река Смородина и где раскинулось синее море? Не смотрите на привычную карту в атласе или на экране смартфона – все эти города и водоемы, опять-таки, лишены строгой геогра-

фической привязки.

Означает ли это, что пытаться описывать географию русского фольклора бессмысленно? Вовсе нет: это трудоемкая, но вполне решаемая задача. Собирать по крупицам разрозненные сведения, разбросанные по фольклорным текстам, сопоставлять их между собой, сравнивать с народными верованиями, известными по этнографическим записям, во-первых, безумно интересно, а во-вторых, полезно и познавательно: мы начинаем понимать, как мыслили наши предки, как они представляли себе окружающий мир, как воображали устройство мироздания.

Разобравшись, насколько получится, в этих причудливых фантазиях, мы не только лучше изучим собственные «корни», но в итоге вынуждены будем признать, что традиционная культура чрезвычайно богата географическими знаниями, причем некоторые из них настолько укоренились, что продолжают бытовать и в наши дни.

Нас ждут семь увлекательных путешествий по заговорам и духовным стихам, по былинам и народным песням, по сказкам, пословицам и поговоркам, по загадкам и частушкам, даже по крестьянским утопиям в поисках земного рая. Остров Буян и камень Алатырь, Лукоморье и страшные муромские леса, Тридесятое царство и подземный мир, затонувший Китеж и загадочное Беловодье – все эти и многие другие места мы постараемся нанести на общую воображаемую карту русского фольклора, совместить ее с картой географической,

если получится, и показать взаимосвязи и особенности.

Что ж, *путь-дорожка выпала*, как поется в одной народной песне, и надобно идти. Не будем медлить, нас ждут места небывалые и чудеса незнанные.

Заговор на безопасную дорогу

«Ложуся я, благословяся, Богу помоляся; поутру вставаючи, не водою – утреннею росой умываючи, ризой Матушки Пресвятой Богородицы облакаюся; благослови меня, Матушка Пресвятая Богородица, раба, в путь-дорогу, из дверей в двери, из сеней в сени, из ворот в ворота; выйду за ворота, останавливаюсь, на все четыре стороны поклонюся, на восточную сторону ниже всех; мне из ворот три тропы: первая тропа – во темные леса, вторая тропа – на чистое поле, третья тропа – на синее море, на восток солнца. На море на Окиане, на острове на Буяне построена соборная апостольская церковь, загорожена железным тыном, от земли до неба покрыта медною крышей, затворена сиверскими воротами, заперта тридцатью замками. Подхожу я к церкви, благословяся, Богу помоляся, отпираю я двери: по правую сторону стоит Матушка Пресвятая Богородица, много Она для нас милостива; а по левую сторону лежит мертвец, головой он головастый, волосом ослистый, под ним резвые ноженьки опустились, белые рученьки покатились, ум-разум помешался, его скверный язык в темя

вытягался, челюсти его поганья затворились, глазыньки закрылись; так бы и встречный меня злодей испугался, как горы убоился, ни в пиру, ни в беседе со мной не проклажался; аминь».

(из сборника Л. Н. Майкова «Великорусские заклинания», 1869, современная орфография)

Путешествие первое

Такие разные карты

На старинной европейской географической карте, выпущенной в 1676 году французским придворным географом Пьером Дювалем, восточная граница Московского царства протекает по реке Обь. Дальше на север указаны места обитания тунгусов, самоедов и лопарей, а вот прямо на восток лежит область с загадочным названием *Locomorie*. Любой современный человек русской культуры без труда опознает в этом загадочном названии Лукоморье, с детства знакомое нам по пушкинским стихам.

Считается, что европейские географы могли узнать это слово от дипломата Священной Римской империи Сигизмунда фон Герберштейна, который дважды побывал с посольством в Московии в начале XVI столетия и составил на латинском языке сочинение «Записки о московских делах», где несколько раз упоминается Лукоморье на Оби, «приморские лесистые местности». На карте самого Герберштейна (1546) Лукоморья нет – восточнее Урала у него лежит обширная Тартария, – однако это слово в значении «изогнутый морской берег», излучина, «лук моря» могло ему запомниться по русским летописям, которые он прилежно изучал, но вслед за ним другие европейцы уже поместили Лукоморье, заодно с Тартарией, на свои карты.

Удивительно, но представление о Лукоморье как об исторической области в Тартарии сохранялось в Европе, несмотря на многочисленные походы и экспедиции в Сибирь, до начала XIX века: в 1811 году в Лейпциге вышло очередное из-

дание классического географического словаря Иоганна Гюбнера – и Лукоморье там присутствовало именно как область на краю земли, «от Оби до Ледовитого океана».

Можно лишь предполагать, видел ли эти европейские карты русский государственный деятель и поэт-классицист Гавриил Державин, который в начале XIX столетия фактически вернул подзабытое слово «лукоморье» в русский язык. Зато достоверно известно, что он старательно изучал «Слово о полку Игореве», опубликованное по счастливо найденной монастырской рукописи в 1800 году. В тексте эпической поэмы *лукоморье* – некое «незнакомое» место к югу от древнерусских княжеств, во владениях половцев, а Державин, пленившийся, должно быть, красотой старого слова и его образностью, усмотрел в этом слове иной смысл. У него *лукоморье* превратилось в «обитель чудес»:

*В рощах злачных¹, в лукоморье
Въявь гуляла и в саду,
Летом в лодочке на взморье,
На санках зимой по льду.*

Из стихотворения Державина «Царь-девица» (1812) многие «народные» образы, в том числе *лукоморье* и знаменитого говорящего кота («скакивал заморский кот»), позаимствовал для пролога к «Руслану и Людмиле» Александр

¹ Зд. волшебных.

Пушкин. У Пушкина слово *лукоморье* не просто сохранило державинское «волшебное» значение, но сделалось даже обозначением какой-то особой территории, где растут чудесные деревья и водятся чудесные животные, где «на неведомых дорожках следы невиданных зверей» и «русалка на ветвях сидит». Благодаря чрезвычайной популярности пролога к поэме, уже почти два столетия входящего в программу российских школ, образ *лукоморья* как «фольклорного» места укоренился в русской культуре, а само это слово стало восприниматься как название условной, сказочной местности, как имя собственное отечественной Волшебной страны.

Это *лукоморье* не найти на обычных географических картах, но на географической карте русского фольклора – если мы попробуем ее нарисовать, хотя бы мысленно, – оно, конечно же, будет присутствовать. При этом местоположения *лукоморья* сказочного, пушкинского и исторического, в понимании европейских картографов, будучи наложенными одно на другое на карте реальной земной поверхности, вряд ли совпадут.

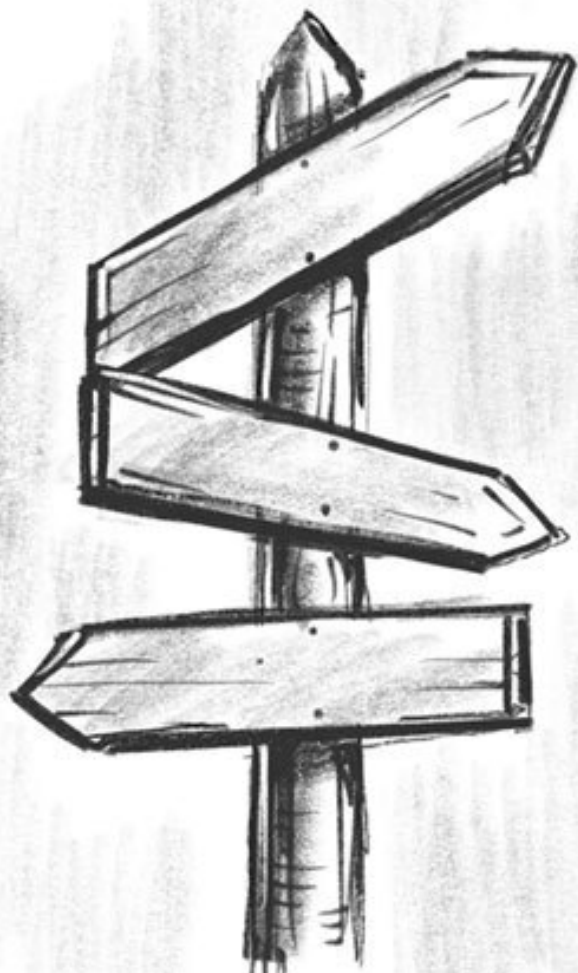
Совсем немного теории

Фольклор любого народа обладает своей собственной географией, и она принципиально отличается от географии, скажем так, практической или физической. Эта фольклорная география может порой соприкасаться с реальной – например, озеро Светлояр под Нижним Новгородом окутано легендами: под его водами, по преданию, скрылся град Китеж, но оно действительно существует, однако такие соприкосновения редки. Гораздо чаще фольклорная география переносит нас как бы в иное измерение, где все устроено несколько иначе, чем в привычном нам окружающем мире, где дороги способны свиваться в клубок, а леса – вырастать до небес, преграждая путь, где за знакомыми, казалось бы, названиями скрываются совершенно неожиданные места, полные чудес, где сушу окружает со всех сторон Оки-

ян-море, а мост над бурливой рекой ведет напрямиком в юдоль мертвецов.

Откуда все это берется? Где пролегает граница между реальным и воображаемым мирами? Каковы фактические прообразы фольклорных местностей? Можно ли – и нужно ли – подбирать им исторические соответствия в том мире, который окружал наших предков?

Давайте попытаемся разобраться.

Покидая по какой-либо надобности свой дом – не важно, пещера это, землянка, крестьянская изба или современное жилище, – человек оказывается в чужом пространстве: дома все привычно и знакомо, все свое, обстановка известна и позволяет без опаски перемещаться даже с завязанными глазами, но за пределами этого мирка лежит большой и переменчивый мир, воспринимаемый нами как нечто чуждое и опасное. Ученые-когнитивисты утверждают, что такова особенность человеческого сознания, обусловленная эволюцией: мы проявляем избирательное внимание к окружающей среде, выделяя в ней те сигналы, которые помогают выживать, а саму среду считаем по умолчанию чреватой всевозможными угрозами. Это бессознательный нейрофизиологический процесс, наследие нашего развития как вида.

В этом чуждом и опасном мире нужно как-то ориентироваться, и человек, покинувший дом, начинает заниматься картографией: он совершает разведывательные вылазки и создает собственное представление о пространстве, ближнем и дальнем, строит мысленные карты и наносит на них в уме опознавательные знаки и ориентиры. Психологи и социологи называют такое «умозрительное» освоение мира во-круг ментальным картографированием, а мысленные карты на языке науки обычно называются ментальными картами.

Конечно, индивидуальное освоенное пространство поступательно расширяется – от дома к ближайшим окрестно-

стям, а затем все дальше, по мере накопления опыта познания мира; мы сегодняшние, к примеру, вполне способны мысленно представить себе карты городов, областей и целых стран. Но интересно то, что у каждого из нас эти карты будут личными, с персональными ориентирами, вызывающими тот или иной эмоциональный отклик. Допустим, я никогда не был на Чукотке, но у меня все же имеется некое смутное представление об этой местности, сложившееся из разрозненных сведений, которые я получал откуда угодно – от друзей, из школьных уроков географии, из прессы и книг, и так далее: это край где-то на севере России, там холодно и снежно, там живут чукчи и пасутся олени, водятся белые медведи, дорог почти (или наверняка) нет, следовательно, по доброй воле туда поедет только экстремал или этнограф. Если же мне довелось побывать на Чукотке, а уж тем более родиться там или прожить сколько-нибудь долго, моя ментальная карта этой местности, разумеется, окажется иной, а эмоциональная личная оценка ориентиров поменяется. Однако это все равно будет именно мысленная карта, мысленное представление о территории.

Помимо персональных ментальных карт, существуют и коллективные ментальные карты – представления об окружающем мире, общие для какой-либо группы. Забегая вперед – к числу таких карт принадлежат и карты фольклорные. Эти коллективные ментальные карты отражают и воспроизводят групповое, или социальное, знание: о хозяйственной

пригодности природных ресурсов – рыба лучше ловится вон в той реке, а в дальнем лесу часто шастают медведи; о дружелюбии или враждебности соседей; о границах освоенного коллективом мира – «что за рекой, никто не знает, мы туда не ходим» – и о многом другом. Из коллективных представлений больших групп – племен и народов – о своих соседях постепенно складываются среди прочего национальные и культурные стереотипы.

Но не будем отвлекаться. Итак, в человеческом сознании, индивидуальном и групповом, познаваемый окружающий мир не только отображается, но и воображается: мы наделяем этот мир признаками, которые важны для нас по тем или иным причинам – бытовым, хозяйственным, идеологическим, политическим, но которые слабо, лишь опосредованно связаны с физической реальностью. Соответственно, наши ментальные карты фактически привносят в физический мир новые «слои», которых не найти на обычных географических картах.

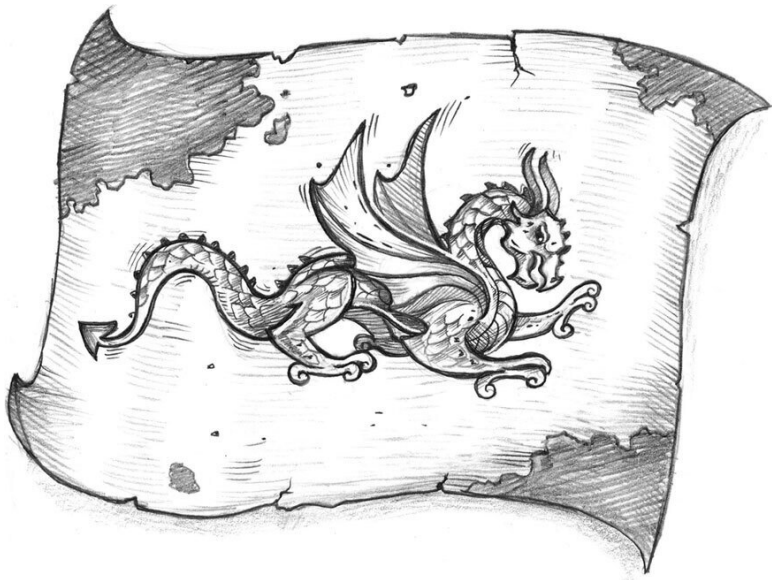
Одним из таких слоев является область сверхъестественных явлений и легендарных событий – область мифологии и фольклора.

Коротко о драконах

Nic sunt dracones, или «Здесь водятся драконы», – так писали на морских картах еще в XVI и XVII столетиях, обо-

значая неизведанные водные просторы. Задолго до появления этих карт, уже во времена древних Месопотамии, Персии и Греции, бродили по свету – по тогдашней ойкумене – баснословные, как говорили наши предки, предания о диковинных существах, якобы населяющих дальние неведомые земли: о псиглавцах, о людях с единственным глазом на груди, о человекоподобных тварях с одной ногой, на той ноге беспрерывно скачущих...

На Руси такие предания тоже имелись. Русский книжник Ефросин Белозерский в сочинении «О человецех незнаемых» (середина XV века) сообщал о живущих «в восточной стороне» диковинных людях: одни будто бы кормят гостей собственными детьми: «А гость к ним откуда придет, они детей своих закаляют на гостей, да тем кормят»; другие «месяц в воде лежат, на берег не вылезая», потому что на суше у них «тело трескается»; третьи «мохнаты до долу, а от пупа вверх – как и прочие человеци»; четвертые и подавно «умирают по зиме на два месяца... кого зима застанет, тот и сядет, а у него из носа вода изойдет, да вмерзнет в землю», но по весне оживают, «как солнце на лето вернется».

Земли, населенные такими существами, воображались как хранилища несметных сокровищ, на пути к которым нужно преодолеть множество преград и победить разнообразных чудесных стражей.

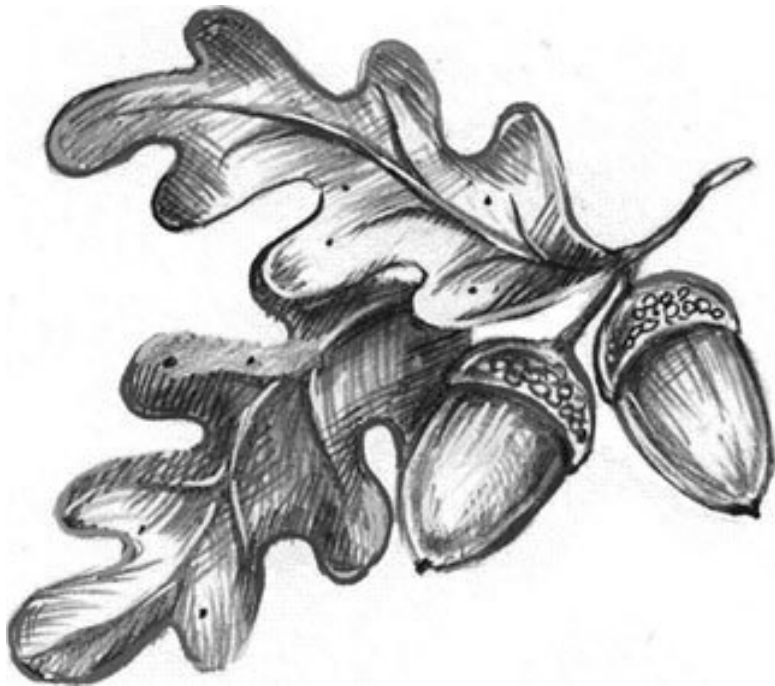
Да и земли ближние тоже таили в себе немало опасностей сверхъестественного толка. Чужая территория начиналась сразу за порогом дома, в лучшем случае – сразу за околицей: окрестный лес мыслился как дремучий и полный угроз, от хищных зверей до злонамеренных лесных духов, река воспринималась как вотчина водяного, в полях бесчинствовали

полевики и русалки... Все эти «потусторонние» особенности окружающего мира исправно заносились нашими предками в их ментальные карты, и в коллективном воображении – собственно, в том наборе стародавних представлений о мире, который мы сегодня называем фольклором, – физическое пространство получало как бы «второе дно». Постепенно из этих представлений складывалась воображаемая география, дополнявшая географию реальную, а то ее и подменявшая.

Даже современный человек, рациональный, казалось бы, до кончиков ногтей, подвержен влиянию этих «фольклорных стереотипов». Если коротко, наши сегодняшние представления о лесе мало чем отличаются – во всяком случае, у большинства современников – от представлений предков.

Журналист и фольклорист-любитель Аполлон Коринфский в книге «Народная Русь» (1901) составил целую оду русскому лесу. «Лесное молчание исполнено шорохов безвестных. Оно помогает хоть одним глазом заглянуть в великую книгу природы, наглухо закрытую для всех не пытающихся припадать на грудь родной матери-земли. И вековая печаль, и тихий свет радостей, и грозные вспышки стародавних обид, и тайны – несказанные тайны – все это слышится, внемлется сердцу в молчании родных лесов...» Автор писал о воззрениях «суеверных» крестьян своего времени, но многие и сегодня наверняка подпишутся

под его словами.

Эти две географии, физическая и воображаемая, вполне уживались друг с другом. К примеру, русский купец хорошо знал, сколько дней пути займет дорога с севера, пусть будет с берегов Онежского озера, до Великого Новгорода, каковы дорожные ориентиры и какие населенные пункты встретятся по пути, как выглядят сам город и расположенное неподалеку озеро Ильмень. Но когда он слушал былинку о при-

ключениях Садко – а былины нередко пели на привалах, – ему рисовались уже совсем другой Новгород и другое озеро, «великое море Ильменское, без краев и бережочков».

Такое наложение двух образов друг на друга было привычным и ничуть не мешало повседневной деятельности. Одна ментальная карта нашего купца была фактической, а другая – фольклорной, и вместе они создавали цельный образ той или иной местности; по тому же принципу наше сознание продолжает работать и сегодня – в частности, Москва имеет добрый десяток «ипостасей» (столица России, мегаполис в европейской части страны, историческое владение полулегендарного боярина Степана Кучки, на землях которого позже возникла вотчина князя Юрия Долгорукого среди «муромских лесов», и так далее), которые вместе составляют общий ментальный образ города и его окрестностей.

Фольклорная Русь

Разумеется, на фольклорных картах присутствовали не только «двойники» реальных мест – стольный Киев-град и вольный Новгород, те же озера Ильмень и Онега (Онего), реки Волга и Днепр (Непра), – но и сугубо «иномирные» местности и волшебные-географические ориентиры: река Смородина, остров Буян, Змиевы горы, Тридевятое царство и так далее. Обо всех этих чисто фольклорных точках на картах мы поговорим в соответствующих главах книги, а здесь по-

пробуем ответить на вопрос, зачем «народной фантазии» вообще понадобилось вводить в употребление эти обозначения. Разве недостаточно «двойников» реальных мест, существующих в «мнимом» пространстве?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.